

ства, кто силен, якоже аз; кто бог велии развѣ мене; кто власти моей съпротиво станет; представит горы пред очима зрящих, шествует по морю немокрыми стопами, сведет огонь с небес...» и т. д.²⁷

Всеобщее поклонение, которое поначалу окружает этого не то дьявола, не то человека, действующего по наущению дьявола,²⁸ и впрямь доходит до трепета и идолопоклонства. «И мнози, — как повествует другой апокриф, — учнут вѣровати в него и богом звати его».²⁹ Ср. с этим слова Великого инквизитора: «Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов...» (9, 318). Уже и теперь (а не где-то в отдаленном будущем) народ «до того... приучен, покорен и трепетно послушен... что толпа немедленно раздвигается...» или «моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли» по одному лишь слабому мановению этого старика (9, 313).

Ужас и страдание, «скорбь» и «туга»,³⁰ голод и жажда начнутся в царстве антихриста. И многие люди, как говорится в апокрифах, «тѣсноты ради пищныя» (т. е. из-за хлеба) придут к антихристу и «поклонятся ему».³¹

Здесь нет надобности входить в детальное сопоставление поэмы Ивана с крутом повестей и сказаний об антихристе и конце мира. Достаточно отметить только, что такое сопоставление могло бы быть очень простран-ным: так много соотносящихся друг с другом мотивов. К некоторым из них мы ниже вернемся. Сейчас важнее подчеркнуть отличие. Ни в одном из эсхатологических сказаний, ни в одном из народных стихов на эту тему ничего не говорится о любви «отступника»³² к людям. В поэме о Великом инквизиторе этот мотив является постоянным и важнейшим. «Иль тебе дороги, — говорит Великий инквизитор Христу, — лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые» (9, 318).

Вслед за многими другими исследователями «Братьев Карамазовых» я считаю, что в связи именно с этим обстоятельством (т. е. любовью, даже одержимостью этим чувством любви, Великого инквизитора к людям) находится конец поэмы — поцелуй Христа.

В апокрифических сочинениях говорится, что когда наступят дни последней скорби и исполнятся, наконец, «времена и сроки», придет Христос и убьет антихриста «дыханьем уст своих».³³ А в поэме Ивана Христос целует Великого инквизитора: «... он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста.

²⁷ К. Невоструев. Слово святого Ипполита об антихристе..., стр. 205. См. также: И. И. Срезневский. Сказания об антихристе в славянских переводах... СПб., 1874, отд. II, стр. 41. Имеются параллельные мотивы и в других списках, публикуемых здесь Срезневским. Ср. также: Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы..., т. II, стр. 265 («Слово Мефодия Патарского»).

²⁸ В эсхатологических памятниках антихрист — то «орудие» и «жилище» сатаны, то сам дьявол.

²⁹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 264.

³⁰ Там же, стр. 225, 277.

³¹ Там же, стр. 265; К. Невоструев. Слово святого Ипполита об антихристе..., стр. 206; И. И. Срезневский. Сказания об антихристе..., стр. 42.

³² Понятие «отступник» идет из представления, разделяемого почти всеми сочинениями об антихристе, что он явится поначалу кротким и смиренным, богобоязненным и христолюбивым (ср. с Великим инквизитором — 9, 328) и лишь впоследствии обнаружит свою злую и антихристову сущность.

³³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 226 («Слово Мефодия Патарского»); К. Невоструев. Слово об антихристе..., стр. 220.